

Союз литераторов Удмуртии

АКВИЛОН

выпуск 3

литературный альманах

Москва

издательство АНК

2005

АКВИЛОН

№3

литературный альманах

2005

АКВИЛОН

Составитель - Е.Лабынцева

Ответственный редактор - к.ф.н. В.Трефилов

Компьютерная верстка - Е.Лабынцева

Дизайн обложки - В.Окунь

Художники - В.Окунь, В.Трефилов

При оформлении обложки и титульного листа использованы картины Владимира Трефилова «Несущая Пламя», 2005 и «Ожидание», 2000.

Подписано в печать 05.05.2005

Бумага офсетная. Печать офсетная

Формат 70x100/16 Усл.печ.л.12

Тираж 100 экз.

Издание Союза Литераторов Удмуртии.

Отпечатано в типографии ООО «Иванмастер-Ижевск»,

Г.Ижевск, ул.10 лет Октября, 53.

Страшное это чувство.

Страшное это чувство. Любовь. Страшное, потому, что сильное. Смотрю из окна, небо всё затянутое тучами, а облака пролетают быстро-быстро, как курьерские поезда. Как колышется море зелени, как океан, как полёт, опереться о перила, свеситься вниз и обрести вечный покой, только, как и кто там будет: лучше, хуже. Никто не знает, но взгляд вниз: лужи, чёрная земля.

Сейчас к дому подъедет такси, мягко шурша по гравию и лужам, на нём уезжаю не я, а тот был со мной, жил моим одиночеством, уезжает навсегда, уезжает, потому, что любит, и, потому, что понимает, что я никогда не полюблю. Минуты казались вечностью, не было ни жалости, глаза сухие, кто пьёт шампанское при расставании, он просит, я читаю стихи, предназначенные тысячу раз для другого, это бред, я вызываю такси, он сам не может. Но что-то мешает: то линия занята, то машин нет, отчаянья нет. Я набираю разные номера.

Наконец. Машинально называю адрес, фамилию.

-Ждите, через десять минут мы перезвоним.

Минуты тянутся, нет ничего страшнее этих минут, когда всё ещё можно исправить.

Он может умолять, а я, с ужасом думая о ледяной постели, могу расплакаться и обнять, и, тогда. Если бы он был тем, другим, имя которого тысячу раз срывалось с моих губ, когда мы исступлённо целовались, он всё слышал и всё прощал.

Ни разу не за всё то время, пока мы жили вместе, не забывала о том другом, мы не разу не поссорились, он ни разу не повысил голоса, все мои слёзы, когда я думала, что он спит, а он не спал, ждал, пока я засну.

Странно это, мы как-то одновременно решили. Он принёс шампанское и мои любимые сигареты. Мы сидели молча, понимая всё до конца, он пошёл готовить кофе, а я собрала вещи, их немного, он не перевёз всего, ведь он знал, что рано или поздно перешагнёт этот порог и не вернётся, а я закрою за ним дверь с пустыми глазами и вернусь к тому, от которого не уходила.

Он не звал меня жить к себе, боялся, что я уйду слишком рано.

Он ушёл, когда убедился, ничего не сделать, он понял и не смирился с тем, что его руки стали для меня привычкой, пожалуй, более дурной, чем сигареты.

Нужно было что-то сказать.

-У тебя руки ледяные.

-Как всегда.

Я знала, что больше всего на свете ему хочется отогреть мои руки,

но десять минут, он не смог отогреть их за год.

Странно, звонок у моего телефона печальный, как будто просящий об одолжении, чтобы к нему подошли.

- Машина будет через несколько минут. Марка машины, цвет и даже номер.

Какая разница, первое подъехавшее такси его.

Его глаза, они говорят, как когда-то говорили мои глаза, говорили другому мужчине. В них всё, все чувства, которые только может испытывать человек. Мольба, любовь, я через всё это прошла, и мне только немного холодно от открытых окон, в которые врываются ветер и дождь.

Вот и всё.

- Пообещай мне, что станешь счастливой, и ещё, пообещай, что бросишь курить.

- Постараюсь.

- Нет пообещай

- Обещаю.

Холодными губами целую его щеку. И понимаю, что гибну, что с ним уходит последнее, нелюбимое, но последнее, что у меня было в жизни.

Он не говорит ни слова, выходя в подъезд. Обрывается всё.

И он, резко обернувшись, целует меня, так сильно, так нежно, так долго, что кажется: я задохнусь. Он придерживает мою голову, чтоб я не ударилась об дверь и мне невольно вспоминается первый вечер, когда я позволила ему подняться ко мне. Он нёс меня на руках. Лестница была бесконечной, бесконечно счастливой.

Я думала.

- Какой сквозняк, прости, ещё простудишься, любимая.

- Никогда.

- Никогда, прощай.

Я закрыла дверь, не слыша, слышала его шаги на лестницах, наверное, легко, быстро, не касаясь перил, мы все от чего-то убегаем, или от кого-то.

Хлопнула подъездная дверь, он сел в такси, я знала, что он сейчас чувствовал, но не знала, что чувствую сама. Я знала, что говорят его глаза, как монотонно он сказал адрес своей заброшенной одинокой квартиры на набережной, как таксист с пониманием взглянул на его чемодан, его взгляд, застывший. Как дворники размазывают капли дождя по лобовому стеклу, превращая дорогу в размытое серое пятно, слепящие огни фар, нет слёз, только дождь.

Всё это было. Со мной, уже два года назад.

Я закрываю окна, да, любовь это страшное чувство, холодное одеяло, я не убираю вторую подушку, но знаю: она долго не понадобится.

В окнах зажигается свет, а ночь, ночь – 6 часов в июне, только не сегодня. Почему? Сегодня она бесконечна, когда страшно, одиноко и бессонница. Да, я просто боюсь пустых комнат, городских огней в чёрной вечности города, крепкого кофе. А ещё больше - воспоминаний.

Ведь я любила, страшное это чувство любовь. Страшное и сильное.

Прошёл год, прошла весна. Я равнодушная ко всему жила тогда

воспоминаниями, одиночеством и болью. Я была безжалостна к себе, его винить не могла, всё было слишком честно, прозрачно, просто. Я была слишком умной, слишком самоуверенной до того, как он бросил меня. Всё было честно, я не могла его упрекнуть, никакого повода, всё было просто великолепно оформлено. - Он не стоит даже твоего мизинца, даже ногтя. Ты личность. Да, она тоже с ним встречалась, только не любя, так от скуки, летней тоски и зноя. Обычная девушка, я умирала в сотый раз, сжимая руки, впиваясь ногтями в кожу: с её простотой он дал ей полтора месяца, а мне со всей моей сложностью –неделю.

Когда влюбляешься, ничего перед собой не видишь, бесполезно говорить, бесполезно думать, стук сердца перебивает все мысли, существуют только минуты и секунды. А потом, самое ужасное, когда ты понимаешь: кого ты любишь, а сделать уже ничего нельзя. Минуты как по злему волшебству растягиваются в часы и дни, ты ждешь, понимая, что напрасно. Что он за человек, в общем- то ничтожество, но было одно: он всегда знал, что хочет от жизни, как следствие от женщины. О, он всегда безупречен.

А я. А я была глупа.

Потом, наверное, мне повезло. Я встретила того, кто сегодня уехал на такси, шуршавшему по мокрому асфальту. Он рассказывал, что был поражён: ступени лестниц, ветер, до пруда пол километра, и издали, кажется, что он застыл, неровно отразив в себе небо.

- И ты такая, нереальная.

Середина недели, безлюдная набережная, пустые летние кафе. Небо близкое-близкое и тополя.

- Ты оглянулась.

И когда я увидел твои глаза, такие живые, такие лучистые, я понял, такая женщина не может лгать, ты настоящая.

- И долго вы будете за мной идти? Бросили машину, глупо.

- А вы одна.

- Обычно я говорю, что люблю одиночество, а что понравилась? Обычно так бегают за 17- летними девочками, я думаю, вы не по адресу.

Ты лгала, только в эту минуту, ты не была такой, ты была поразительно несчастной, ты одевала ледяную маску, ты защищала свою истекающую кровью душу. Ты - разная, ты удивительная, ты всегда честная.

- У вас что- то случилось.

- Послушайте, это было слишком больно, тяжело и долго, что стало неважным. Лучше, взгляните, тополиный снег и дождь, кажется, что зима, а на улице 16 градусов. Нет ничего удивительней июня. А воздух... А ветер, вокруг всё живое, этим можно заполнить любую пустоту.

А потом мы гуляли по белому воздушному ковру, цветы, трава, все, всё было опутано волшебной июньской паутиной.

Мы стали встречаться, он полюбил меня.

Его не остановило ничего, даже правда, даже, то, что я любила другого.

И вот через год ...

Да что там говорить.

Чёрно- белая жизнь. Как я должна была любить.

Эту картину, несомненно, написала женщина. Мужчина, которого я когда-то любила, а за ним размытый силуэт, девушка, хрупкая юная, с нестерпимо яркими в солнечном луче, золотыми волосами, и, я узнала свои глаза. Это была я. Это был он.

- Да, это должно быть ты. Он обманул нас обеих. Ты ведь помнишь, мне казалось, я видела твои глаза, когда он рассказывал мне о своих подвигах,

Я вышла из галереи, не обернувшись. Машина рванулась и в зеркале и я вижу их сейчас. Боялась, что ты никогда не придёшь. Это копия, а оригинал прекраснее, чем я думала.

Ни одного автопортрета, она нарисовала этого мужчину рядом со мной, почему не себя? Только этот вопрос мучил меня, но не было слов, чтоб его задать. заднего вида на мгновение отразилась она, отразилась как боль. По тормозам.

- От призраков не бегают.

- Ты смелая, а я не призрак, я живая, как и ты.

Белые обои, все в чёрной краске, она, он, и я - в золоте и синеве. Я рядом с ним, она всегда одна...

- Ты более достойна. Вот и всё. Ты считаешь, он сломал тебя. Нет, посмотри, во что я превратилась. Я бросила университет, те книги, которые ты перечитываешь со слезами на глазах, я заставила себя забыть имена авторов, названия. Театры, нет, я ползала перед ним на коленях во всех этих убогих, модных клубах, бранилась хуже, хуже... сапожника, нет, его подмастерья. Все отказались от меня, а я как заклинания учила марки модных машин и сотовых телефонов, чтобы нам было о чём разговаривать. Всё стало простым, как он и хотел, а он... Он называл меня мразью на всех перекрёстках, выкинул меня и забыл....Потом нужно же было как-то зарабатывать деньги, стала натурщицей и шлюхой. Талантливые художники нашей провинции... Я уходила от одного, чтобы прийти к другому, они были листками календаря, но ни один не стал для меня весной.

- Но ты любила, по настоящему любила, а я, видимо, нет. И ты талантлива.

- Всё неважно, главное, что ты пришла... Ты, сказавшая: не судьба, ах, если бы тогда я смогла произнести эти два слова, если бы поняла, что этому человеку просто не дано, что у него нет сердца, что он не способен понять ни слов, ни картин, ни любви. Пойми, единственное, что мне оставалось, ждать тебя.

Её губы касаются моих губ. Она красива: иссиня-чёрные волосы, сумасшедшие глаза, она вылита из бронзы. Но так уж устроен мир: я не могу любить её.

Она злилась, рассказывала о своих любовниках и любовницах, пытаюсь вызвать ревность. Нелепо, глупо, смешно, но я ревновала. Её смех, так смеются люди с искалеченной судьбой, и вечное:

- Не хочешь любить меня - получи.

Эти бесконечные рассказы.

И под конец:

- О чёрт, у тебя были после него мужчины, а у меня нет.... Только он, первый и единственный. Все эти, нет, они даже не любовники, они просто так.

Снова и снова эти грязные рассказы, белая пыльца наркотика. Отравленная, она забывалась долгим сном. Я всегда помню её волосы, цвета сажи, смуглую кожу, на белых наволочках. Поразительно: во сне она была похожа на святую. Бесмысленно ей было оставаться такой и в жизни.

Почему я не послала всё к чёрту?

Был Он, давно ушедший в прошлое, и её любовь. Наверное, ни один мужчина не любил меня так, как любила она. А мне было не дано. Впрочем, я была единственным, что осталось у неё от него, я была нитью, живым, не документальным, как её картины, свидетельством, что жизнь, в принципе прошла не напрасно, что ей было дано испытать нечто, что другим не судьба. Да, меня она любила, постольку поскольку...

Она рисовала меня постоянно, мои глаза жили в её картинах, а я писала слова и предложения, она рвала мои рукописи: - Это идиотизм. Не читай мне нотаций, меня только могила исправит.

И я думала, что мои мысли, эта правда, выведенная на ресторанном меню, постигнет участь остальных - на чистых листах, которые она отправила в контейнеры с мусором, вдоль которых важно бродят вороны. Сидя в шумном ресторане, я даже представляла, как они будут таскать клочки бумаги, а ветер потом разносит их по белу свету.

«Небо, наполненное тёмными призраками, лгало, слишком страшной была правда.

Гарем, всё равно, кто будет ночью в её постели, она имеет право выбирать.

Усталость, наркотическое опьянение стирает все ощущения, музыка, завоевавшая мир своим эпотажным звучанием, превращающим душу в сплошную страшную рваную рану, хрипловатый голос умершего идола её поколения, всё сводит с ума кроме их рук, кто из них уже всё равно, пусть звёзды рушатся, она не оттолкнёт рук, обнимающих её. Плача, крича, она прокляла всё. Но его имя, никогда, от страха, что предала его, и видя перед собой только грязь и небытие. Пускаясь в поиски истины, она оправдывает это отвратительное существование, философствуя с мужчинами, в глазах которых страсть сменяется пустотой. Она, оправдывая себя, оправдывает и их, они не протестуют, они любят и ненавидят, за то, что она выбирает.

За их унижение она платит ночью, прогоняя всех под утро, она забывается среди картин, сидя на полу, пренебрегая воспоминаниями о проведённой ночи, но, вспоминая того, кто всегда был для неё единственным из множества.

Это должно было случиться рано или поздно. Белый порошок усыпал паркетный пол комнаты, в руках она сжимала тот лист - мои мысли.

- Чёрт побери, это правда, молись за меня, я так его люблю.

Какая чёрная ночь, какой белый пол, чёрно-белые фотографии, которые она так любила, на них она была даже красивее, чем в жизни: не было видно кругов под глазами - последствий бессонных ночей, кокаина и вечной усталости.

Я не могла простить ему. А ещё себе, что не могла любить так сильно, как она.

И всю жизнь помню гроб в комнате с обоями в чёрной, синей и золотой краске, чёрно-белая женщина - неживая фотография, тонкие белые пальцы судорожно сжимающие лист бумаги: Небо, наполненное тёмными призраками, лгало.... И её крупные округлые буквы: «Я люблю его...»